



Шуршит сентябрь листьями в саду,  
и, карту доброй памяти листая,  
по тротуару юности бреду,  
сажусь в вагон  
ушедшего трамвая.

Стук сердца повторяет стук колес,  
летит к своей любви последним рейсом,  
а там в конце строки стоит вопрос  
И Лобачевский  
скрещивает рельсы.

Ты грел мне пальцы шепотом своим,  
пыльцу ресниц губами собирая.  
Мне, по секрету, с ангелом твоим,  
пришло посланье  
из родного края.

И сквозь твоё закрытое окно  
мне виделись распахнутые двери,  
и куст рябины, пахнувший весной,  
кивал, что нужно верить,  
нужно верить...

Чего же ждать? О ком же пожалеть?  
Скажи мне, добрый друг, вагоновожатый,  
ответь теперь, чтоб нам не умереть,  
чтоб никогда  
не повторить утраты.



Землетрясение в груди  
С такой равнинной амплитудой,  
С открытой датой впереди,  
С письмом, пришедшим ниоткуда,

О том, что ягоды в лесу,  
Тяжелые кровавым соком,  
Остались собирать росу  
И горечь облетевших сроков,  
Что самолет моей мечты  
На вечном, кажется, приколе,  
Как негорючие кусты,  
Как чучело на летном поле.

А с неба ангелы трубят,  
Господь глазами в душу смотрит.  
Я умираю без тебя.  
В конце строки я стану мертвой  
И буду вспоминать: июль,  
Пот на спине, вода в ладонях,  
Полет шмеля, и вкус медовый,  
И твой медовый поцелуй  
Все это было так давно,  
Как будто жили мы на свете  
Десятки раз по сто столетий  
Или мгновений, все равно.



Сине-зеленая зимняя светлая ночь,  
сахарный сад и луна — золотая тарелка.  
Сломанной веточки тело не смей перевозмочь,  
не пережить мне мгновенья, секундная стрелка.

Ясперс твой камень — читай по открытым глазам,  
по голубиному крылышку, по снегопаду.  
Ночью, тайком от себя и себе не сказав,  
ты побежишь, моя радость, по снежному саду.

В белой аллее пройдет твоя старая боль,  
мальчик в рубашке ночной, завиток на макушке...  
Там, где растаяла сладость, останется соль.  
Не торопи нас, секундная стрелка, лесная кукушка.

## Рождество 2016

Звездной пыли достаточно  
Принявшему смертную плоть,  
После стольких холодных веков  
И слоев атмосферы  
Дать потухшим глазам моим  
Чистого неба щепоть,  
Дальнотворную юность  
И свет немигающий веры.

Он родился в холодном хлеву,  
Под присмотром вола и осла.  
Он впитал с молоком  
Запах сена и голос пастушьего рога.  
Ей — шестнадцатый год,  
И Она бесконечно мила,  
Вообще бесконечна,  
Как ожидание Бога.

Начинается что-то великое,  
Первородное, новое все:  
Смыслы слов, сопрягаемость слов,  
Протекание речи,  
Луч от новой звезды,  
Который мне грудь пересек,  
И к младенцу родному вернул  
Издамече.

И в душе — как в хорошем колодце —  
Вода со звездой. Тишина  
Словно вышита золотом  
И прокалилась морозом.  
И пришла ко Христу  
Дорогая моя кривизна —  
Принести Ему песню ночную  
И сладкие слезы.



Одна женщина чувствует себя, Господи, как река.  
Ты ее, Боже милостивый, не суди,  
Ей так нравится медленно течь, отражать облака.  
У нее водопады в прошлом, отмели впереди.

Каждый божий день для нее — Божий день.  
Солнце, старый паромщик, отсчитывает круги,  
Центр которых, как ни крути, везде  
И настолько ярок, что не видать ни зги.

Но сегодня Крещение, и, значит, ее вода  
Отразит Твою вечность, впечатает в каждый ион  
Простоту Твоей верности с формулой «навсегда»,  
Тишины Твоей звучащий аккордеон.

Объяснить невозможно, можно только любить  
Это небо и землю, плакучие берега,  
Эту чистую радость водицы живой испить  
И понять, что жизнь еще так долга.

# О трудной любви к ближнему

Есть такая любовь —  
как *the dark side of the moon*:  
она есть, но ее никогда не видишь,  
она говорит с тобой  
статьей Закона на идиш,  
и выходит, что сердце твое —  
и шпион, и болтун.  
Ты проговариваешься знакомому попугаю,  
что у тебя на душе  
все время скребут кошки,  
что тараканы в башке доедают крошки  
моральных сил,  
и ангел не помогает.  
Ты сволачиваешься всякий раз,  
как она вползает  
в пространство  
глупого пересечения взглядов,  
она не *выловливает*  
и поэтому просит яду,  
а потом вместе с совестью часами тебя кусает.  
Казалось бы, *ничего не нужно, кроме любви*, —  
но это ложь,  
каждый хочет поменьше дать  
и побольше взять,  
и превращать постепенно в *можно* давешнее *нельзя*,  
и — завтра не смочь того,  
что вчера еще было можно...  
Это длится так долго,  
что корни седых волос  
перестали уже краснеть, потому что  
осень на исходе, а потом  
зима (*не мети мне на косы*),  
не оставит вопросов,  
оставит один вопрос:  
*Или, Или! лама савахфани?*  
Вот и ночь  
перед самым рассветом становится самой темной.  
И луна твоя  
в час меж волком и псом бездомным  
напоминает нанайских мальчиков  
по имени Мать и Дочь.



## 1

Ты переждешь  
одну волну —  
и ночь  
разоблачит  
случайность,

и растворит  
твою вину  
как звездопад  
в вечернем чае.  
Кто помнит,  
око-океан,  
твои качаловские  
слезы,  
твой недоигранный  
роман  
про жар и сон,  
туман и грозы,  
про то, как  
плыли рыбаки,  
и звезды попадались  
в сети,  
про то, что звенья  
широки,  
а ты —  
всего один на свете.

## 2

Ты переждешь еще одну — и в мертвой тишине партера  
твой парусник с названием «ВЕРА» ложится мачтой на волну.

И Чайки горький монолог запомнится соленой кровью,  
как в порванную нелюбовью гортань морской воды глоток.

О, люди, гордые, как львы, и мелкие, как куропатки,  
когда мечты — щербет, как сладки, но несмываемы, увы.

О, это *дивный новый мир* вползает на твои подмостки.  
Во тьме его бесслезных дыр твоя земля мала как остров.

## 3

Этим маленьким летом, прилипшим песком на губах молчаливых,  
Этим штилем с цикадами, шумом прибоя, дождливой морзянкой  
Я тебе напишу по утыканной кнопками капель натянутой коже залива,  
Что я тоже дикарка, другая Офелия, островитянка.

То ли сердце поет, колокольчик серебряный, ангелам вторя  
То ли парус гудит всеми струнами арфы под ласками ветра...  
*Солоным-солоня золотистая лимфа густого Японского моря\*\**,  
И число пешеходных шагов на дистанции счастья длиннее  
на полкилометра.



\* «О дивный новый мир» — антиутопия Олдоса Хаксли.

\*\* Строчка из стихотворения Ю. Кабанкова.